

УДК 316.334.56

К.Н. Невоструева

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: ОБЗОР ИДЕЙ И ПОДХОДОВ

Обобщены основные идеи и подходы западных и российских ученых к определению места символов в жизни общества, оценке их роли в восприятии действительности. Для дальнейшего анализа символического пространства города Перми (Россия) автор делает выбор в пользу концепции этносимволизма, выделяя преимущества теории с точки зрения поставленной задачи.

Ключевые слова: *город, символ, пространство, идеал, память, виртуальная реальность.*

Город – свидетель и территория прохождения многих социальных процессов. Люди наполняют его смыслами, формируя коллективную и индивидуальную реальность одновременно.

Горожане передают друг другу навыки освоения городского пространства, умения ориентироваться и «читать» место, где они живут. Насколько это важно, каждый может оценить на собственном опыте.

Естественно, что и ученые, находясь под влиянием смыслов городского пространства и одновременно испытывая научный интерес к предмету, делают постоянные попытки разобраться, каковы структурные элементы и слои городского пространства.

Символическое поле, о котором писали Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, К. Бюлер, А. Лефевр, В.М. Мейзерский [1–5] – это невидимое, на первый взгляд, «покрывало», которое преобразует действительность и наполняет дополнительными смыслами все вокруг.

Подобно разделению населения согласно их доходу, сфере деятельности, национальной и религиозной принадлежности, социальное пространство города сочетает в себе общие, групповые и индивидуальные зоны пользования и комфорта. Но не стоит видеть в этом исключительно вопросы сегрегации: даже если это и стало в какой-то период времени причиной современного положения дел, то в действительности управление территориями носит скорее характер упорядочивания. Как отметил З. Бауман, структурное развитие города имеет тенденцию «к стандартизации и установлению тоскливого единообразия» [6, с. 40]. Естественно, в каждой стране есть как свои особенности, так и общемировые черты и тенденции.

© Невоструева К.Н., 2016

Невоструева Ксения Николаевна – консультант по корпоративным проектам ЗАО «Коммерсантъ» в Перми», e-mail: olimpiada20@yandex.ru.

Экономический аспект глобализации отразился и на освоении городского пространства. Международные сетевые компании приносят с собой инвестиции не только в виде денег, но и в формате «подгонки» конкретной территории под всеобщий «стандарт». Внедряя элементы инфраструктуры типа гостиниц, ресторанов, парикмахерских глобальных брендов, инвесторы, с одной стороны предоставляют местным жителям новые места для работы и досуга, обустраивают прилежащие территории, а с другой – дают сигнал потенциальным гостям, что в этом незнакомом для них месте есть освоенные ими места, где они смогут чувствовать себя безопасно. Чтобы до конца поддержать это сообщение, бизнесмены используют франчайзинговые схемы, официально обеспечивающие преемственность в оформлении пространства и стандартах обслуживания клиентов. На сегодняшний день сам факт прихода международной компании на территорию является причиной присвоения ему нового и более высокого статуса.

Как отмечал Ле Корбюзье [7], окружающая среда (ландшафт и географическое положение) влияет и определяет не только состояние общества, но и самочувствие каждого человека. Простор или узкие улицы будут создавать свою атмосферу – радостную или гнетущую.

Каковы же знаковые места города, которые имеют не только географическое, но и символическое значение? Рассмотрим некоторые из них.

Центр, как правило, это место, где собрано все «достояние» города, причем не важно, что таковым является: «духовность (с ее храмами), власть (с ее кабинетами), деньги (с их банками), торговля (с ее магазинами), речь (с ее площадями, кафе и прогулками): отправиться в центр – значит пойти навстречу общественной «истине», причаститься высшей полноте «реальности» [8, с. 44].

Вокзал/аэропорт для современного города – это не только его «лицо», но и показатель уровня экономического развития. В подтверждение этому транспортные системы все больше соединяются с торговыми точками, создавая единую инфраструктурную систему.

Дом как место жительства конкретной семьи является не просто отражением сегодняшнего положения семьи в обществе, образа жизни, но и демонстрирует их притязания на будущее. Если заглянуть внутрь, то благодаря символам можно узнать намного больше, например, ценности – через уважение к предкам.

Дерево/парки/водоемы, являясь символами жизненной силы, олицетворяют связь с природой и надежды на вечную жизнь.

«Понятие “символ”, “символический” употребляется, особенно с XIX века, в очень общем и расплывчатом значении, часто почти тождественно понятию “знак”», – пишет Н. Луман [9, с. 155]. И действительно, как определить, что есть символ, и какова его роль в нашей жизни? Обратимся к некоторым ученым. Ю. Лотман обращает особое внимание на связь мифа с символом и призывает

нас различать две его ипостаси: как части мифологического мышления и как жанровой особенности [10]. Но нас, конечно, больше интересует первое значение, хотя и второе достаточно интересно для изучения.

У. Уорнер отмечает: «Переживание символа означает узнавание значения и его знака» [11, с. 116]. Ж. Бодрийяр обращает внимание на противопоставление реальностей: «Символическое – это не понятие, не инстанция, не категория и «не структура», но акт обмена и социальное отношение, кладущее конец реальному, разрешающее в себе реальное, а заодно и оппозицию реального и воображаемого» [1]. А Ж. Деррида видит этот же аспект в другом: «“Символ” всегда указывает на “истину”, он сам конструируется как отсутствие “истины”» [12]. Тем не менее, по словам Н. Лумана, «...символ – это не просто знак (как, например, слово). Он не только обозначает, но и действует единство [видимого и невидимого]... И именно поэтому как раз форма символа (а не форма понятия) оказывается подходящей, когда дело касается рационального обращения с невыразимым» [9, с. 58]. Ю.М. Лотман обращает внимание на особенность поведения символа в культуре: «...накапливать и организовывать вокруг себя новый опыт, превращаясь в своеобразный конденсатор памяти, а затем разворачиваться в некоторое сюжетное множество...» [10]. «Символ характеризуется тем, что он всегда не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым. Символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало, например колесницей», – пишет он [13, с. 377].

Только из приведенных выше мнений можно сделать вывод, что символы – это в какой-то мере «маяки» в пространстве, знаки которых мы распознаем без труда, но любое несоответствие приводит к когнитивному диссонансу.

Последуем совету Э. Сепира: «Полезно различать два типа символики. Первый из них, который можно назвать референциальной символикой, охватывает такие формы, как устная речь, письмо, телеграфный код, национальные флаги, флажковая сигнализация и другие системы символов, которые принято использовать в качестве экономного средства обозначения. Второй тип символизма столь же экономен и может быть назван конденсационным символизмом (*condensation symbolism*), ибо это – чрезвычайно сжатая (*condensed*) форма заместительного поведения для прямого выражения чего-либо, которая позволяет полностью снять эмоциональное напряжение в сознательной или бессознательной форме» [14].

Добавим, что символы подразделяются еще и, если можно так сказать, на уровни: индивидуальный, групповой, общественный и, как отмечает Э. Смит, национальный. На этой ступени этносимволизм связывается с традициями, памятью, ценностями, мифами и символами целых народов.

Удивительно, но эволюция человека, появление новых форм самовыражения не только не обесценило, казалось бы, довольно наивную символиче-

скую систему, а придало новый импульс для ее развития. Люди получили новые инструменты, которые позволяют не только запечатлеть действующую картину мира, но и передавать ее своим потомкам на всем протяжении существования жизни на Земле.

Но если что-то родилось, должно ли оно умереть? Символы первого порядка появились вместе с речью и письменностью и прочно обосновались в человеческом сознании в виде архетипов¹. А символы эпох оказались на улицах наших городов, где выглядят беззащитными перед сильными руками современников. Единого мнения относительно судьбы материальных свидетельств прошлого, к счастью или сожалению, нет, ведь точки зрения противоположные. Одни считают их неприкосновенными (А. Лефевр, П. Бурдьё), другие требуют ревизии и выбора (Ле Корбюзье, Ж. Бодрийяр). Но все же свойство цикличности событий и идей способствует тому, что непризнанные в конкретном столетии памятники прошлого обретают свою ценность для следующего поколения и таким образом продлевают себе жизнь.

Давайте попробуем поставить определенные точки на необъятной карте символического пространства. Какие идеи относительно описываемого феномена кажутся нам наиболее интересными: связь символа и ритуала как нерационального и бессознательного (Р. Коллинз); понятный и доступный для воспроизведения знак как предвестник символа, наполненного желаемым смыслом (К. Леви-Стросс); символическая сфера понимания образования (Э. Сепир); связь идеологии и символизма (Н. Дензин) и многие другие.

Например, что значит идеал? На наш взгляд, это наиболее символическое понятие, так как сочетает в себе четкий внешний образ и конкретный набор качеств. Итак, Ж. Бодрийяр выделяет четыре модели, которые служат интересам разных групп:

«1. Для медицины базовой формой тела является труп. Иначе говоря, труп – это идеальный, предельный случай тела в его отношении к системе медицины. Именно его производит и воспроизводит медицина как результат своей деятельности, проходящей под знаком сохранения жизни.

2. Для религии идеальным опорным понятием тела является зверь (инстинкты и вожделения «плоти»). Тело как свалка костей и воскресение после смерти как плотская метафора.

3. Для системы политической экономии идеальным типом тела является робот. Робот – это совершенная модель функционального «освобождения» тела как рабочей силы, экстраполяция абсолютной и бесполой рациональной производительности (им может быть и умный робот-компьютер – это все равно экстраполяция мозга рабочей силы).

¹ Под архетипом автор понимает врожденные психические структуры в виде образов и моделей поведения, переходящих новым поколениям от «прародителей».

4. Для системы политической науки знака базовой моделью тела является манекен (во всех значениях слова). Возникнув в одну эпоху с роботом (и образуя с ним идеальную пару в научной фантастике – персонаж Барбареллы), манекен тоже являет собой тело, всецело функционализированное под властью закона ценности, но уже как место производства знаковой ценности. Здесь производится уже не рабочая сила, а модели значения — не просто сексуальные модели исполнения желаний, но и сама сексуальность как модель» [1].

К символическому капиталу, о котором говорит в частности П. Бурдьё [2], как аналогу экономических ресурсов, индивиды стремятся наравне с поиском желаемого идеала. И не важно, что конкретно требуется (ранг, титул или др.), главное – легитимность и признание ценности (общественное одобрение) капитала.

Символический универсум – «матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений; целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явления, происходящие в рамках этого универсума. И что особенно важно, маргинальные ситуации индивидуальной жизни (маргинальные в том смысле, что они не включены в реальность повседневного существования в обществе) также охватываются символическим универсумом. Такие ситуации переживаются в снах и фантазиях в качестве областей значений, отделенных от повседневной жизни и наделенных своей собственной особой реальностью» [15].

Бесспорно, новым витком развития символической системы человека стало освоение виртуального пространства. В 1970–80-х годах Интернет как техническое открытие существовало исключительно для узкого круга специалистов, пока не открыло свои «двери» для массового пользователя. Благодаря исключительным свойствам человеческого разума, люди стали создавать новое пространство, которое живет вроде бы параллельно городскому, но все больше пересекаясь, что приводит к взаимному влиянию виртуального и реального миров. По словам У. Митчелла [16], большинство мест в Сети являются общественными, т.е. доступ к ним не контролируется, подобно улицам и площадям традиционного города. Но есть и частные страницы, как почтовые ящики и дома в городе, куда ты можешь зайти, только если имеешь ключ.

Коллективная идентичность, проявляющаяся в культуре, обеспечивает возможность осуществления символической коммуникации между людьми. При этом стоит помнить, что коммуникация в принципе есть производство и потребление знаков.

Вопрос восприятия информации в процессе коммуникации – хорошо изученный, но можно ли положиться на традиционные модели, когда речь идет о символических системах? По большому счету, можно, но с небольшими поправками. Давайте рассмотрим с этой точки зрения представление В. Вахштайна о фреймах в структуре повседневности [17]. Он определяет

фрейм как «каркас» взаимодействия между людьми, характеризующийся жестким форматом или, другими словами, четкими правилами поведения в конкретной ситуации. Люди склонны вводить в процесс взаимодействия скрытые подтексты разного характера, например, иронию или, что для нас более важно, имеют возможность использовать многозначительность слов, контекст и ситуацию на свое усмотрение в каждом конкретном акте коммуникации. Это определяется термином «транспонирование». Данный процесс позволяет людям менять схему взаимодействия, переходя из фрейма во фрейм. Использование этой теории позволяет не просто зафиксировать факт «общения» на символическом уровне, а увидеть сам процесс восприятия.

Но может ли кто-то управлять ими или хотя бы оказывать влияние на происходящее? В такой момент на ум приходит власть, обладающая явно и опосредованно наибольшими ресурсами. Однозначно ученые высказываются только относительно ее волевых действий. М. Кастельс, например, отмечает применение физического и символического насилия. Основным инструментом власти, помимо формальных норм в виде законов, можно по праву назвать СМИ, которые воздействуют на наше поведение, влияют на наше сознание, понимание процессов, формирование мнений. Здесь Кастельс отмечает некий замкнутый круг: «СМИ есть выражение нашей культуры, наша культура работает главным образом через материалы, поставляемые СМИ» [18].

Но если вернуться к городскому пространству, то какие составляющие концепций важны для нас в случае выбора теории для описания его символического компонента. Предположим, что это внимание к различным областям жизни человека (максимальное вовлечение многих аспектов в одну теорию), рассмотрение символического поля в русле составляющей повседневного мира и учет его современных характеристик. Преломляя приведенные выше взгляды ученых с точки зрения заданных критериев, нужно отметить, что в полной мере ни одна из рассмотренных точек зрения не отвечает указанным параметрам. Зачастую это связано со сферой интересов конкретного ученого, который заинтересован в углубленном анализе определенной сферы, этапа жизни личности или человечества.

Однако все же сделаем выбор в пользу Э. Смита и его взгляда на символизм с точки зрения принадлежности к конкретному этносу. Это позволит нам посмотреть на любой российский город как на типичный населенный пункт конкретной страны, в котором живут люди различных социальных слоев, вероисповедания и происхождения, включая мигрантов, экспатов и т.д.

Будущее исследование автора статьи на основе выбранного подхода будет посвящено родному городу Перми. В нем запечатлена история страны и отражена многонациональность государства. При этом современная территория сохраняет в себе память о жизни других народностей, занимавших это место до появления административной единицы «Пермь».

И мы согласимся с Э. Смитом в том, что: «миф, символ и коммуникация... дают концептуальные инструменты для анализа этнических групп и наций в долгосрочной перспективе...» [19, с. 23–24].

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть [Электронный ресурс]. – URL: <http://knigosite.org/library/books/40750>.
2. Бурдьё П. Социология социального пространства: пер. с фр. / под ред. Н.А. Шматко. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
3. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 501 с.
4. Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, № 3. – С. 27–29.
5. Мейзерский В.М. Философия и неориторика. – Киев: Лыбидь, 1991. – 192 с.
6. Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. – 2008. – № 3. – С. 24–53.
7. Ле Корбюзье. Архитектура XX века: пер. с фр. / под ред. К.Т. Топуридзе. – М.: Прогресс, 1977. – 303 с.
8. Барт Р. Империя знаков / пер. с фр. Я.Г. Бражникова. – М.: Праксис, 2004. – 144 с.
9. Луман Н. Медиакоммуникации. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
10. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Cilture/Lotm/index.php.
11. Уорнер У. Живые и мертвые. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 606 с.
12. Деррида Ж. Голос и феномен (работы по теории знака Гуссерля) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/derr_gol/index.php.
13. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
14. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/sepir/index.php.
15. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Электронный ресурс]. – URL: <http://psychologiya.com.ua/soczialnaya-psixologiya/2735-berger-p-lukman-t-soczialnoe-konstruirovanie-realnosti.html>.
16. Mitchell W.J. City of Bits. Space, Place, and the Infobahn. – URL: <http://www9.georgetown.edu/faculty/irvinem/theory/Mitchell-City-of-Bits-ex.html> (accessed 5 February 2016).

17. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2011. – 334 с.

18. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php.

19. Smith A.D. Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach. – New York: Routledge, 2009. – 184 p.

References

1. Baudrillard J. Symbolic exchange and death [Russian ed.: Bodriiar Zh. Simvolicheskii obmen i smert']. Available at: <http://knigosite.org/library/books/40750> (accessed: 5.02.2016).

2. Bourdieu P. La sociologie de l'espace sociale [Russian ed.: Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. Ed. by N.A. Shmatko]. Moscow, In-t eksperiment. sotsiologii; Saint-Petersburg, Aleteia Publ., 2007. 288 p.

3. Bühler K. Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache [Russian ed.: Biuler K. Teoriya iazyka: Rerezentativnaya funktsiya iazyka]. Moscow, Progress Publ., 1993. 501 p.

4. Lefebvre H. La production de l'espace [Russian ed.: Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2002, vol. 2, no. 3, pp. 27–29.

5. Meizerskii V.M. Filosofiya i neoritika [Philosophy and neorethoric]. Kiev, Lybid' Publ., 1991. 192 p.

6. Bauman Z. Gorod strakhov, gorod nadezhd [A city of fears, a city of hopes]. *Logos*, 2008, no. 3, pp. 24–53.

7. Le Corbusier. L'architecture du XXe siecle [Russian ed.: Le Korbiuz'e. Arkhitektura XX veka. Ed. by K.T. Topuridze]. Moscow: Progress Publ., 1977. 303 p.

8. Bart R. [Russian ed.: Bart R. Imperiya znakov]. Moscow, Praxis Publ., 2004. 144 p.

9. Luman N. Mediakommunikatsii [Mediacommunications]. Moscow, Logos, 2005. 280 p.

10. Lotman Iu.M. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury Articles on semiotics and cultural topology. Available at: URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/index.php (accessed: 5.02.2016).

11. Warner W.L. The living and the dead [Russian ed.: Uorner U. Zhivye i mertvye]. Moscow, Saint-Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 2000. 606 p.

12. Derrida J. La voix et le phenomene: introduction au probleme du signe dans la phenomenologie de Husserl [Russian ed.: Derrida Zh. Golos i fenomen (raboty po teorii znaka Gusserlia)]. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/derr_gol/index.php (accessed: 5.02.2016).

13. Lotman Iu.M. Semiosfera [Semiosphere]. Saint-Petersburg. Iskusstvo-SPB Publ., 2000. 704 p.

14. Sapir E. Selected Writings in Language, Culture and Personality [Russian ed.: Sepir E. Izbrannye trudy po iazykoznaniiu i kul'turologii]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/sepir/index.php (accessed: 5.02.2016).

15. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge [Russian ed.: Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia]. Available at: <http://psychologiya.com.ua/soczialnaya-psixologiya/2735-berger-p-lukman-t-soczialnoe-konstruirovanie-realnosti.html> (accessed: 5.02.2016).

16. Mitchell W.J. City of Bits. Space, Place, and the Infobahn. Available at: <http://www9.georgetown.edu/faculty/irvinem/theory/Mitchell-City-of-Bits-ex.html> (accessed: 5.02.2016).

17. Vakhshain V.S. Sotsiologiia povsednevnosti i teoriiia freimov [Sociology of everyday life and the theory of frames]. Saint-Petersburg, Evrop. Un-t Publ., 2011. 334 p.

18. Kastel's M. Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura The Information Age: Economy, Society and Culture. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (accessed: 5.02.2016).

19. Smith A.D. Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach. New York, Routledge, 2009. 184 p.

Получено 14.03.2016

K.N. Nevostrueva

SYMBOLIC SPACE OF A CITY: THE REVIEW OF IDEAS AND APPROACHES

The article summarizes the main ideas and approaches of Western and Russian scientists to define the place of symbols in the life of society and to assess their role in the perception of reality. For the further analysis of the symbolic space of the city of Perm (Russia), the author opts for the concept of ethno-symbolism, highlighting the advantages of the theory in terms of the objective.

Keywords: city, symbol, space, ideal, memory, virtual reality.

Nevostrueva Kseniya Nikolaevna – Consultant for Corporate Projects, ZAO Kommersant, e-mail: olimpiada20@yandex.ru.